

В. С. Зубарева, М. Л. Лурье (Санкт-Петербург)

Весьегонские рассказы об отце Сергии Успенском как провинциальный текст

По сохранившимся в архиве епархиальным документам можно в общих чертах восстановить небогатую событиями биографию отца Сергия, священника села Федорково Весьегонского уезда Тверской губернии. Сергей Григорьевич Успенский родился 2 сентября 1867 г. в семье дьякона Никольского погоста Никольской волости Весьегонского уезда. Тринадцати лет поступил в Тверскую духовную семинарию. Имел хорошие успехи при отличном поведении, за что по окончании семинарии был причислен ко второму разряду. 6 июня 1888 г. вышло распоряжение, согласно которому «1) Священника Иоанна Предтеченского, по преклонности лет и слабости сил, уволить <...>. 2) На его место, к церкви села Федоркова, во священники определить ученика Семинарии Сергея Успенского, с выдачей ему билета на вступление в законный брак» (ГАТО, ф. 160, оп. 5, ед. хр. 2933, л. 9).¹ Через три недели, 24 июля 1888 г. Сергей Григорьевич, ко-

---

¹ Авторы пользуются возможностью выразить искреннюю благодарность директору ГАТО А. В. Кузнецовой, заведующей отделом информации Г. В. Баруткиной и научному сотруднику архива Е. Н. Ефремовой за

тому было тогда 20 лет, обвенчался с Верой Николаевной Ивановой, дочерью священника (о дальнейшей ее судьбе известно лишь то, что она скончалась не позднее 1914 г.). 6 августа 1888 г. в Тверском кафедральном соборе Успенский был «посвящен во дьякона», а 13 августа, через неделю, «рукоположен во священника» в Отрочем монастыре.

В Успенском приходе, куда был назначен о. Сергей, насчитывалось немногим более тысячи человек. Старая церковь, построенная еще в 1777 г., обветшала настолько, что грозила падением, а колокольню в 1914 г. вообще пришлось разобрать. В следующем году началось строительство новой, кирпичной Никольской церкви на реке Рене (д. Никола-Реня). Утварью и ризницей, как свидетельствует ведомость, она была бедна, «дом для священника опустился, балки, на коих лежат потолки, гнилы. Помещение во время зимы холодно» (ГАТО, ф. 160, оп. 1, ед. хр. 15777, л. 87 об.).

О. Сергей был помощником благочинного, состоял членом Любегощского приютского попечительства. В разные годы был награжден набедренником, скуфьей и камилавкой. Из своего бедного прихода пастырь официально отлучался только однажды, весной 1906 г., — в Валаамский монастырь. Дата смерти точно неизвестна, но приблизительно устанавливается по косвенным сведениям: скорее всего, о. Сергия не стало в 1928-м или 1929-м году.

Документированная биография священника, как мы видим, оставляет впечатление типичности его судьбы и заурядности личности. Однако устное предание свидетельствует об обратном. Устойчивые мотивы до сих пор активно бытующих в народе рассказов об о. Сергии Успенском — прежде всего, связанные с его целительной силой и прозорливостью — позволяют

поиск и предоставление копий всех документов, которые были необходимы нам для установления фактов биографии священника Сергия Успенского.

говорить о традиции почитания его как местного святого. В деревнях Весьегонского района и в самом городе записано более сотни рассказов-меморатов, как от людей, только слышавших о местном замечательном батюшке, так и от знавших его лично.² В целом они составляют нечто вроде устного жития, или, точнее, агиографических материалов.

В первую очередь о. Сергей известен как целитель. Нам приходилось лично общаться с людьми, в детстве и отрочестве излеченными о. Сергием или его сестрой Александрой. Он лечил всех и от всего, никому не отказывал, если нужно — оставлял больного у себя жить. По рассказам, не было дня, чтобы на дворе у священника не стояло по нескольку лошадей из других деревень, даже из других областей. По выражению одной крестьянки, «лечебный был батюшка».

Могилу о. Сергия местные жители почитают до сих пор. Считается, что земля с нее обладает целебными свойствами: «Даже вот я слышала по народу, что из Весьегонска приезжали и на автобусе, брали земли оттудова. <...> Лечиться. Вот потрут там, чего болит, землей евонной. Он сказал: “Пускай люди лечатся!” Знали это все и стали ездить. Я сама ходила»³. Говорят даже, что земли на могиле «не хватало» и ее приходилось досыпать.

Помимо этого, о. Сергей обладал даром прозорливости. Говорили, что батюшка «все знал». На исповеди он никогда не спра-

---

² Устные рассказы об отце Сергии Успенском записывались в Весьегонском районе Тверской области в 1993 г. участниками фольклорной экспедиции РГПУ им. А. И. Герцена (собиратели: Е. Булатова, И. Доможирова, С. Левингер, М. Лурье, А. Тарабукина и др.) и в 1998 г. в городе Весьегонске и районе в ходе специально организованной экспедиции Кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ (собиратели: В. Зубарева, М. Лурье, М. Мальгина). Материалы 1993 г. хранятся в личных коллекциях М. Лурье и О. Николаева, записи 1998 г. — в Фольклорном архиве АГ СПбГУ (архивные номера аудиокассет: 98-02-01, 98-02-02, 98-02-03).

³ Записано в д. Малое Овсянниково от А. И. Исаковой 1927 г. р.

шивал имени и всегда правильно называл человека, даже если видел его впервые. О. Сергей бывал строг, мог отказать в исповеди и причастии на основании того, что по дороге в церковь человек думал «о скромном». О провидческих способностях федорковского батюшки рассказывают фабулаты, порой сильно напоминающие легенды о Христе-страннике: «Вот знает, что ты сегодня помрешь, али скажет: “Завтра!” — точно. Вот у нас. Он ехал оттудова в Ёгну. А тут старик картошку копает. Он поздоровкался. Он: “Антон Андреевич, картошечку роешь?” — “Да”. — “А надо ли картошка-то тебе?” — “Да как же, батюшка?” — “А я думаю — не надо!” Проехал, Антон на другой день захворал и помер»⁴.

О своей смерти о. Сергей также знал заранее и накануне попрощался со своими близкими. «Он знает, когда помрет, всё... истопите, говорит, баню... Вот. И меня вымойте. А они говорят (он не хворал ведь, ничего): “Так, отец Сергей, ты уж сам мойся!” — “А покойников моют!” Его вымыли. Он пришел, сел там на диван и помер»⁵. По другой версии, о. Сергей, предвидя репрессии, в бане покончил с собой. Перед смертью провидец предсказал, что во время похорон его гроб уронят, что его могилу осквернят, что люди будут лечиться землей с его могилы. Действительно, в 1930-х годах гроб о. Сергия неоднократно выкапывали из земли, и все информанты объясняют это кощунство одинаково: «золото искали». Во время голода преступники

---

⁴ Записано в д. Малое Овсянниково от А. М. Лучина 1902 г. р. В фольклорной традиции Весъегонского района, как и вообще на севере Тверской области, достаточно популярен сюжет «Почему люди перестали знать время своей смерти?» (СУСВС — 793*): Христос-странник спрашивает старика, почему он перевязывает изгородь соломой, и, получив ответ, что тому осталось жить три дня и на его век хватит, делает так, чтобы люди не знали, когда умрут. В приведенном рассказе о мрачном пророческом намеке о. Сергия распространенный легендарный сюжет как бы вывернут наизнанку.

⁵ Записано в д. Малое Овсянниково от А. М. Лучина 1902 г. р.

якобы надеялись найти на теле священника золотой крест, но о. Сергий, предвидя это, приказал себе в гроб положить обычный — деревянный.

Вот лишь некоторые, основные темы и расхожие мотивы рассказов о священнике о. Сергии. Вокруг, очевидно, неординарной и одаренной исключительными способностями личности сложилась традиция почитания, сложился свой «фольклор» — свой корпус общих мест, повествовательных сюжетных мотивов. Более того, все собиратели, работавшие в населенных пунктах бывшего Федорковского прихода, замечали, что устные материалы к житию о. Сергия Успенского составляют своего рода фольклорную доминанту в данной культурной традиции: вокруг образа священника из Николы-Рени происходит аккумуляция нарративных мотивов, которые тем самым как бы «оттягиваются» от других персонажей, от других жанрово-сюжетных типов, исходно актуальных для местного репертуара.

Так что в известном смысле мы можем говорить о «сергиевском тексте». Он выстраивается как вполне стандартный текст христианского почитания харизматической личности (святого, праведника, прозорливца, юродивого) с соблюдением всех основных позиций соответствующей схемы (что видно уже по приведенным выше материалам), но обладает, тем не менее, и рядом специфических черт, отличающих его от других прагматически и структурно сходных текстов.

Чтобы определить эту специфику и показать ее обусловленность фактором «культурного фона» сельской провинции, в качестве сравнительного материала мы избрали круг воспоминаний о другом приходском священнике, жившем в то же самое время, также снискавшем огромное почитание среди прихожан и знавших его людей. Речь идет об известном московском иерее отце Алексее Мечеве (1859—1923)⁶, чье имя связано с таки-

---

⁶ Доклад, легший в основу данной статьи, был написан нами в сентябре 1999 г., а менее чем через год, по решению Освященного Юбилейного

ми крупными деятелями культуры и церкви, как Николай Бердяев, Павел Флоренский, Иоанн Кронштадтский, оптинский старец Анатолий и другие. Большой корпус посвященных ему мемуарных фрагментов опубликован в сборнике «Московский батюшка», изданном в 1994 г.⁷ Авторы более половины воспоминаний неизвестны, сам же сборник можно рассматривать в качестве своего рода искусственно созданного мемуарного свода — как и наше собрание записей устных рассказов об о. Сергии.

Этот сравнительный материал выбран не случайно. Слишком многие позиции совпадают, в том числе и биографические. О. Алексей Мечев также был простым приходским священником (он служил в храме Николы на Маросейке), также рано овдовел; славился прозорливостью и, в частности, предсказал день собственной кончины; был признан как целитель душ; обладал даром слезного умиления, как и о. Сергий, которого крестьяне иронически называли «слезой никольской»; являл чудеса после смерти, в том числе и на могиле. К нему приходили со своими горестями и нуждами десятки и сотни людей (которых он, кста-

---

Архиерейского Собора (13—16 августа 2000 г.) об «общецерковном прославлении подвижников веры и благочестия других времен, подвиг веры которых был иной, чем у новомучеников и исповедников», к лику святых был причислен и «протоиерей Алексей Мечев — «старец в миру», как его называли современники. Подобно святому праведному отцу Иоанну Кронштадтскому, отец Алексей жизнью и служением, которое проходило в Москве, воплотил идеал доброго пастыря, ищущего заблудшую овцу, молитвенника и чудотворца» (см. <http://www.russian-orthodox-church.org.ru>). Сам этот факт никак не отменяет наших соображений относительно рассматриваемых текстов: они создавались значительно раньше и не в качестве материалов для решения вопроса о канонизации (хотя, вероятно, и составили впоследствии основу этих материалов). Чрезвычайно интересно было бы соотнести эти воспоминания: «стихийное житие» — с текстом жития официального, если таковое существует или появится.

⁷Ряд текстов и сведений почерпнут из вышедшей пятью годами раньше в Париже книги, также включающей мемуарные материалы (см.: Струве 1989).

ти, как и о. Сергий, любил угощать чаем) — одним словом, перед нами сходная ситуация почитания приходского батюшки. Однако при внимательном рассмотрении общих мотивов в рассказах об о. Алексее и об о. Сергии становятся видны принципиальнейшие различия как на уровне сюжетно-стилистического оформления, так и на уровне интерпретации. Эти расхождения мы и попытаемся продемонстрировать и прокомментировать.

1. Целительство

Подобно о. Сергию, о. Алексей исцелял недужных. Его пациентами становились, в основном, страдающие недугами душевными. Многие мемуаристы отмечают, что беседы с батюшкой, его слова, молитвы, прикосновения помогали преодолевать тяжелые критические состояния, выходить из стрессов. Павел Флоренский вспоминал: «Те, кто приходят к нему, чувствуют себя облегченными и обрадованными, несмотря на глубокое горе. Это потому, что о. Алексей таинственным актом молитвы перенес на себя их горе, а им — передал свою благодать и радость» (Дурасов 1994, 2).

Есть рассказ о том, как о. Алексей вылечил девушку от тяжелой нервной болезни (она кидалась на близких, кричала, рвала одежду). Случаев лечения о. Алексеем чисто физических болезней и травм в сборнике не приводится. Зато есть свидетельство о том, как человек, получив от батюшки пощечину, почувствовал, что его будто погладили, и ему сразу стало легче.

Другую прихожанку, у которой, по ее словам, «чуть не погас теплящийся огонек жизни», о. Алексей много раз осенил крестным знаменем. «На душе у меня было легко, и я первый раз за долгие годы смогла вздохнуть полной грудью. <...> А ведь последнее время... внутри моей души шла мрачная разрушительная работа. Но отец Алексей, очевидно, закрестил во мне дьявола» (Дурасов 1994, 56).

О. Сергий, как уже говорилось, прославился как целитель болезней телесных: «...И он у нас лечебный был, этот батюшка. У его

вот было столько народу, эти, мало ли кто, инвалидики такие, кто чего...»⁸. О. Сергей, по рассказам, лечил головные боли, нарывы, параличи и другие заболевания.

Когда к о. Сергию приходили больные, он, по рассказам, накрывал их своим «фартуком» — то есть епитрахилью, — и по телу пациента шли мурашки: «Потом мать ходила моя. <...> Вот она зошла к ему. “Ну, ты чего, чего, Федосья пришла? <...>” — “Да вот, отец Сергей, чего-то у меня голова болит”. — “Ну, иди-ко сюда, иди-ко! Наклонись-ко!” Она наклонилась, он вот ей голову вот так ухватил, вот так, фартуком покрыл. “Чувствуешь чего али нет?” — “Да как, — говорит, — мураши там заходили”. <...> Подержал рукам. “Иди, матушка, с Богом! Да ты дорогой-то пойдешь, дак задремлешь — спать, а ты не присаживайся, так домой и иди, — пропадет, все пропадет! Все пропадет!”»⁹.

О. Сергей, согласно описаниям, мог оставить пациента жить в своем доме, причем выполнение этого условия являлось залогом успешного лечения. «Не ходи, Павел. Все, — говорит, — пропадет твое! Больше я тебя не приму. И все же он ушел домой — его деревня напротив. Ушел все же. И все: все пропало, вся лечёба. Еще привезли — больше ничего, так он помер»¹⁰. Последние два примера особенно показательны — в них проскальзывает распространеннейший в повествовательном фольклоре мотив запрета (и наказания за его нарушение) — мотив, сближающий рассказы о целительской практике о. Сергия с быличками о лечении у знахаря¹¹.

⁸ Записано в д. Косодавля от А. С. Смирновой 1918 г. р.

⁹ Записано в д. Хрущи от М. И. Никифоровой 1905 г. р.

¹⁰ Записано в д. Хрущи от М. И. Никифоровой 1905 г. р.

¹¹ Ср., например, рассказ о посещении колдуна: «И действительно, утром Дарье стало лучше и под вечер следующего дня она сама пришла домой. А когда они расставались с Федюней <колдуном. — В. З., М. Л.>, тот сказал ей: «По деревне пойдешь — так не оглядывайся назад» (Долгушев 1996, 52).

Замечательно, что, по всеобщему мнению, священник передал «силу» своей сестре («<...> и к его сестре ходили, но та меньше знала»¹²), а она, в свою очередь, — дочери Наталье, впоследствии переехавшей жить в Весьегонск: «И потом вот эта Александра Григорьевна, сестра отца Сергия, она, наверное, дочке передала, потому что Талька тоже кой-чего знала!»¹³. В этих деталях опять же проявляется очевидное сходство с общераспространенными народными поверьями о колдовских практиках передачи магической силы. Собственно знахарем священника не называют, но многие говорят, что он «что-то знал», — формула, применяемая в крестьянской традиции именно к колдунам и знахарям («знающим»). Самая же распространенная современная интерпретация целительской способности о. Сергия — «обладал гибнозом». Один рассказчик, ссылаясь на свою мать, сообщил, что у бабушки была «книга черной магии». Характерно, что в той местности, в которой активно бытуют рассказы об о. Сергии, практически не фиксировались рассказы о местных колдунах — его современниках. Заметим также, что отец Сергий лечил и бесноватых, и порченных на свадьбе. Одним словом, в народном мнении он выступает одновременно в роли священника-экзорциста и знахаря-целителя.

2. Прозорливость

Оба священника обладали даром прозорливости. Московский батюшка не раз категорически объявлял человеку, какой шаг тот должен предпринять, во время гражданской войны отвечал на вопросы, как молиться за того или иного без вести пропавшего — за здоровье или за упокой. Важно, что прозорливец не скрывал «секрета» своего дара: «Когда я получил от о. Алексея категорическое указание, что должен сделаться священником в

¹² Записано в д. Федорково от А. В. Кочневой 1915 г. р.

¹³ Записано в д. Никола-Реня от А. И. Мосиной 1924 г. р.

храме при Иверской общине, я спросил, как он узнаёт волю Божию. Батюшка не удивился моему вопросу и объяснил мне, что первая мысль, приходящая в голову после молитвы — от Бога. Когда много раз у него так происходило, то он утвердился в этом и теперь, помолвившись, прямо объявляет волю Божию» (Дурасов 1994, 19). Сохранились слова о. Алексея: «Прозорливость!.. Да знаете ли вы, что она получается от молитвы? А откуда мне ее взять, раз мне не дают молиться?» (Струве 1989, 213).

Рассказы о прозорливости о. Сергия построены в основном на ситуациях угадывания имени, помыслов, ближайшего будущего человека. «Вот свекровушка моя так и говорит: “Так, — говорит, — голова болела! <...> Да пойду я к о. Сергию!” Приходит. “Да ты чего, Катерина?” — кряду называет!»¹⁴. В крестьянской фольклорной традиции трюк с узнаванием имени, угадыванием личности и причины посещения обычно присутствует в рассказах о сильном колдуне или знахаре. Характерно, что и в приведенном тексте женщина приходит к священнику лечиться.

Еще рассказ: «Там четыре, пять ли, шесть ли парней, вроде шесть. Говорят: “Зайдемте к попу: узнает он или нет, что мы в Бога не веруем?” А один говорит: “Ну, что вы! Зачем смеяться над божественным человеком?” — “А, ты богомольный, а мы пойдем!” Ну вот, пришли: “Пусти нас ночевать!” А он говорит: “Нет, ребята, от вас холодно! Пускай тот молодой человек идет ночует!” Он узнал, который не хотел смеяться-то!»¹⁵. Мотив угадывания дурных помыслов характерен для рассказов о деревенских местночтимых прозорливцах-юродивых¹⁶, которых, по

¹⁴ Записано в д. Малое Овсянниково от А. И. Исаковой 1927 г. р.

¹⁵ Записано в д. Липки от М. С. Серяковой 1900 г. р.

¹⁶ Один из наиболее распространенных фольклорных сюжетов о прозорливцах выглядит так: деревенские парни направляются к божьему человеку с намерением «поболтать» с ним, тот встречает их на крыльце со стаканом воды и ложкой: хотели поболтать — поболтайте. Рассказ с таким сюжетом записан и об о. Сергии.

понятным причинам, было особенно много в 1920—30-е годы XX столетия¹⁷.

Таким образом, если в воспоминаниях об о. Алексее подчеркивается, во-первых, сила провидческого дара, во-вторых, его исключительно благая направленность и, наконец, в-третьих, — его боговдохновенная природа («прямо объявляет волю Божью»), то в рассказах об о. Сергии очевидна установка вызвать наивное удивление и восхищение самой по себе сверхъестественной способностью никольского священника «все узнавать», выступающей как один из основных факторов его «силы». Не случайно поэтому большинство сюжетных нарративов здесь построено на мотиве разоблачения неверия. О. Сергий лишь обнаруживает свою прозорливость и уже тем самым по-срамляет и приводит в трепет маловера, которому — для усиления катартического эффекта — приписываются низкие намерения. В этом плане особенно показательны два фрагмента, содержащие низкий, скатологический мотив: «Ну вот <о. Сергий> и ушел. А он шапочку-то оставил. А они хотели насрать ему, в шапочку-то. <...> А он об этом узнал. “Что же, — говорит, — вы не насрали?”¹⁸; “Вот сейчас, — говорит, — я иду к нему <к о. Сергию>, — (и он денег просить или чего пришел, дак...) — Вот, — говорит, — он умрет, так ему на могилу-то, — говорит, — накладу”. Ну, он пришел, дак ему <о. Сергий> и говорит: “Ну так чего, накладешь?”¹⁹.

---

¹⁷ Этот материал практически не описан, хотя фиксируется собирателями в разных регионах достаточно регулярно. В последние годы появились немногочисленные публикации рассказов о деревенских прозорливцах 1920—1930-х годов (см., например: Черепанова 1996, № 417, 418); единственная известная нам попытка систематического описания подобного материала — тезисы школьной курсовой работы (см.: Баранова 1997, 211—212). Мемораты об отце Сергии, по сути, — один из циклов таких рассказов.

¹⁸ Записано в д. Федорково от А. В. Кочневой 1915 г. р.

¹⁹ Записано в д. Федорково от А. И. Пашниковой 1928 г. р.

При этом в рассказах об о. Сергии практически нет указаний на «полезность» его ясновидения, никак не оговаривается божественная природа этой способности — важна ее впечатляющая исключительность, чудесность. «Были люди — они бы сказали... Вот мы сидим с тобой — они бы сказали, когда ты помрешь и я когда помру. <...> Вот у нас был священник, здесь, на Рене — о. Сергий. Он знал все. Вот пришел ты, вот откуда хочешь — он знает и как тебя звать, и все расскажет. Он тебе бы сказал, когда ты помрешь, и все. О! Чем он обладал? Это интересно...»²⁰.

3. Предвиденье смерти и посмертные чудеса

О. Алексей, предвидя скорую кончину, написал надгробное слово о себе самом²¹, оставил подробные указания своим духовным чадам: как себя вести и что кому надлежит делать. Таким образом о. Алексей до конца исполнял свой пастырский долг. Более того, как это принято в православной традиции, он, по рассказам, являлся чадам во сне — указывал путь, предсказывал будущее: «Недели за две до начала войны вижу во сне Батюшку. Одетый в синюю шерстяную ряску, он стремительно подходит ко мне и говорит: “Скажи всем, всем, чтобы продавали имение свое! Исполнилось время!” И стремительно вышел. Эти слова я передала всем, но никто не понял. А в день батюшкиной кончины, 22 июня 1941 г., началась Великая Отечественная война» (Дурасов 1994, 94). На могилу к о. Алексею ходили за советом и всегда получали его. «Трудно было всем нам после кончины Батюшки, но он не оставил нас и помогал. Пойдешь, бывало, на его могилку и расскажешь там все свои трудности, выплачешь все свое горе. И обязательно получишь ответ. Во сне его увидишь, и он подскажет как поступить» (Дурасов 1994, 93).

²⁰ Записано в д. Малое Овсянниково от А. М. Лучина 1902 г. р.

²¹ Текстологический и герменевтический комментарий к этому документу см.: Струве 1989, 359—382.

О. Сергий также знал день своего ухода из мира, предсказывал, что его тело выпадет из гроба при похоронах и впоследствии будет осквернено в могиле. Вот известный момент его устного завещания: «Его хотели у церкви — раньше священников у церкви хоронили. Он говорит: “Везите меня на общее кладбище, пускай люди лечатся!” И вот землей этой, дак [лечатся]...»²² Священник, как следует из текста, заботился в первую очередь о том, чтобы не пропала его целительная сила. А поскольку после его смерти активную целительную практику получила его сестра, жена федорковского псаломщика Александра Григорьевна Владимирская, то песок с ее могилы считается столь же целебным, как и с могилы самого о. Сергия. Разумеется, после смерти о. Сергий никому не являлся: в крестьянских верованиях приход, даже в сновидении, знакомого покойника воспринимается всегда как недобрый знак или как свидетельство мифологической нечистоты мертвеца, его «неспокойствия» на том свете.

4. Доброта

И в том и в другом случае акцентируется доброта, человечность, бескорыстие батюшки. О. Сергий «очень хороший человек был. Такой хороший был человек!». О. Алексей говорил о себе: «От природы, — говорил он, — имею я очень жалостливое сердце» (Дурасов 1994, 97).

В сергиевском тексте доброта героя проявляется в традиционных свойствах «хороших» фольклорных персонажей — простоте, бесребренничестве и гостеприимстве. По рассказам, он никому никогда не отказывал в приюте и лечении, не брал платы у бедных за совершение треб, подкармливал голодных. Подобные мотивы часто приходится слышать в крестьянских

---

²² Записано в д. Малое Овсянниково от А. М. Лучина 1902 г. р.

рассказах о добрых помещиках. Вот вполне типичный меморат: «Придет вот Пасху служить — ведь в Пасху яйца стосуют. <...> В дому-то все и постосуют ему. Все тут же и разделит. По маленьким. У кого маленькие — все разделит, все. Очень человек хороший. <...> “Отец Сергей, нету у нас, нечем с вам <рассчитаться>...” — “Спасибо, спасибо, спасибо”, — так. И уйдет, спасает спасибо»²³.

Человеческая отзывчивость о. Алексея предстает следствием, с одной стороны, особо развитого специфически пастырского комплекса ответственности за чад (при этом о том, что «его забота простиралась и на чисто материальную область», подчас говорится как о чем-то труднопредставимом и исключительном), с другой стороны, — фактором тонкой душевной организации, обусловившей гипертрофированную сострадательность, склонность к эмоциональной экзальтации.

5. Отношение к уходу в монастырь

Интересно, что оба священника, по рассказам, не советовали своим прихожанам идти в монастырь. Однако мотивировки при этом приводятся совершенно различные.

Для о. Алексея чрезвычайно важна была идея предпочтительности пастырского служения в миру перед монашеским уединенным подвижничеством: «В конце 10-х — начале 20-х годов Батюшка говорил, что настало время, когда все пещерники и схимники должны выйти из пещер и затворов и идти в народ» (Дурасов 1994, 11). Для московского священника роль приходского батюшки представлялась подвигом более тяжелым, ответственным и востребованным в современной ему духовной ситуации, нежели затворнический уход от мира. О. Алексей рассказывал, что «на помощь народу» его благословил сам Иоанн Кронштадтский. Этот же тезис — не нужно уходить от со-

---

²³ Записано в д. Хрущи от М. И. Никифоровой 1905 г. р.

циальной жизни в тяжелой для всех духовной ситуации — он распространял и на мирян, которых порой даже не отпускал к далеким святыням, «а заменял паломничество домашним правилом и мысленным покаянием» (Дурасов 1994, 11).

О. Сергий считал монастыри прибежищем изгоняемых миром грешников (например, женщин, родивших без мужа). В рассказах о недоверии к монастырям о. Сергия актуализируется характерная для народного православия оппозиция обыденного, стихийного вероисповедания и институционализованного, «грамотного»²⁴.

Итак, перед нами два набора меморативных фрагментов: в одном случае устных, в другом — письменных, искусственно сведенных воедино. Автор каждого из них не владел знанием всей совокупности, воспоминаний могло бы быть больше или меньше, но в обоих случаях очевиден определенный и ограниченный арсенал идеологических интенций, риторических схем и т. д. Разумеется, ряд сопоставлений можно было бы продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

Если образ московского харизматического батюшки основан на модели старческого пастырского служения²⁵, то образ

---

²⁴ В этой связи можно вспомнить, например, распространенное среди крестьян убеждение, что молиться лучше дома, так как в церкви все делают это неискренне, напоказ, а также легендарный сюжет о «простецкой молитве» праведников, которые, подобно Христу, ходят по воде, хотя так и не выучились молиться «правильно» (СУСВС 827).

²⁵ Неслучайно духовные лица называют о. Алексея «городским старцем», «старцем в миру» (Дурасов 1994, 3), неслучайно отмечается, что оптинские Феодосий и Макарий почитали смиренного батюшку своим истинным старцем, а старец Нектарий с упреком выговаривал приехавшим к нему из первопрестольной столицы: «Зачем вы ездите к нам, когда у вас есть о. Алексей?» (Дурасов 1994, 107). Ср. также характеристику Алексия Мечева в тексте соборного решения о его канонизации (примеч. 6).

о. Сергия строится как контаминация стереотипических черт таких персонажей, как добрый барин (или добрый начальник), деревенский знахарь и местночтимый «божий человек», юродивый-прозорливец (последних, кстати, в коллективной памяти весьегонских крестьян осталось немало: Гаврилушка, Фомушка, Иринья и др.). Соответственно, сергиевский текст опирается на связанный с этими персонажами круг устойчивых сюжетных мотивов, клишированных формул и т. д.

Мы можем наблюдать, как «новый» текст учитывает предпосланные ему идеологические программы, культурные стереотипы, нарративные модели. Их различие проявляется яснее на фоне жанрово-тематической и общепрагматической близости рассматриваемых текстов. Эти различия, в свою очередь, обусловлены несовпадением исходных социокультурных контекстов. И водораздел здесь, на наш взгляд, проходит не только по линии город — деревня. Особое значение имеет граница между столичным и провинциальным. Заметим, что среди почитателей о. Алексея — как представители интеллигенции, так и «простой народ» (что особо подчеркивается в воспоминаниях). Но эта разностойность в большой мере нивелируется двумя факторами. Первый — фактор места: так или иначе, все соприкасавшиеся с московским батюшкой жили или подолгу пребывали в Москве, сам иерей служил в церкви на Маросейке, и особенности текста, с которым мы имеем дело, во многом обусловлены этим. Второй — фактор среды: адептами и впоследствии биографами о. Алексея были люди, вне зависимости от социального происхождения принадлежащие церковному кругу и прихрамовой среде или тесно соприкасавшиеся с ними. Почитатели о. Сергия — в основном крестьяне Весьегонского уезда, а также жители сопредельных местностей и самого Весьегонска (33 версты от Федорковской церкви), приезжавшие лечиться к авторитетному целителю. И в данном случае сыграла свою роль, как представляется, провинциальная удаленность,

захолустность этого маленького города и его уезда, расположенного в «углу» Тверской губернии и резко утратившего на рубеже веков свое торгово-транспортное значение в связи со строительством новых, более удобных водных и железнодорожных путей сообщения²⁶. Преувеличивать значимость этого фактора не стоит, но и игнорировать его тоже было бы несправедливо: Весьегонск, а тем более уезд, не жил, конечно же, той напряженной религиозной жизнью, полной мистической экзальтации, идеологического экстремизма, апокалиптических и мессианских ожиданий, какой жили монастырские центры и крупные города — прежде всего столицы — в первой четверти XX столетия.

В этом и видится причина того, что экстраординарные способности священника из Весьегонского уезда представлены не

---

²⁶ Вот что пишет об этом весьегонский уездный врач И. Гаузнер в своей брошюре «Город Весьегонск в медико-санитарном отношении», изданной в Весьегонске в 1902 г.: «Еще сравнительно очень недавно, каких-нибудь два-три десятилетия тому назад, Весьегонск имел большое торговое значение, как транзитный пункт, лежавший на кратчайшем водном пути из Астрахани в Петербург, то есть на Тихвинской системе. Кроме того, в городе зимою проходила так называемая Крещенская ярмарка, на которой совершались крупные коммерческие операции. Все это выгодно отражалось на экономической жизни местных мещан и приучило их к легкому хлебу. Главный торг во время ярмарки происходил в центре города, на болоте. Последнее обстоятельство и притягивало к этому месту обывателей, которые лепили свои домишки один около другого с тем простым расчетом, чтобы во время ярмарки сдавать повыгоднее помещения приезжим торговцам. Выручки от постоя хватало на всю зиму с избытком. Однако с улучшением Мариинской системы пало значение Тихвинского; затем с проведением Рыбинско-Бологовской железной дороги, с одной стороны, и дороги из Ярославля в Вологду — с другой, сошло на нет значение Крещенской ярмарки, которая до того обслуживала весь северный край; наконец, на Мологе возникло пароходство. Таким образом, окончательно рушилось как торговое, так и транзитное значение Весьегонска, и многочисленным весьегонским лодочникам, барочникам, лоцманам и тому подобному люду не оставалось на реке почти никакого дела» (цит. по: Купцов 1997, 202—203).

столько в мистических, сколько в магических категориях, а его личностные свойства (добросердечие, строгость к себе и другим и проч.) — не как духовный дар, но как душевные и «профессиональные» качества²⁷. Проявления и восприятие в провинциальной простонародной среде исключительной личной «силы» приходского священника были целиком обусловлены системой свойственных данной среде культурных стереотипов, которая и сыграла роль своего рода «авантекста»²⁸ в формировании устного предания.

Библиография

АГ СПбГУ — Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета.

Баранова В.: 1997, 'Стереотипы восприятия местночтимых сельских святых и связанные с ними сюжетные модели устных рассказов', *Университетская гимназия-97: Тезисы докладов: (VI Научно-методическая конференция: Структура и содержание обучения в специализированных школах и классах. V Университетская конференция школьников. 25—30 марта 1997 г.)*, С.-Петербург.

ГАТО — Государственный архив Тверской области, Тверь.

Долгушев В. Г.: 1996, 'Вятские рассказы о колдунах', *Живая старина*, 1996, № 1.

Дурасов Г.: 1994, *Московский батюшка: Воспоминания об о. Алексее Мечеве*, [Сост. Г. Дурасов], Москва.

---

²⁷ Характерно, что среди рассказов про о. Сергия встречаются, хотя и крайне редко, повествования, выставляющие священника человеком простым и открытым, склонным к шуткам и шалостям, а также и негативные, порочащие его «нравственный облик».

²⁸ Термин «авантекст» применен к явлениям устной словесности С. Ю. Неклюдовым (материалы семинара «Текст и авантекст в фольклорной традиции» см.: <http://www.mpsf.org>).

Купцов Б. Ф.: 1997, *Весьегонск: Вехи истории*, Тверь.

Струве Н. А.: 1989, *Отец Алексей Мечев: Воспоминания; Проповеди; Письма*, Ред., примеч. и предисл. Н. А. Струве, Париж.

СУСВС — Сравнительный указатель сюжетов, Восточнославянская сказка, Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др., Л., 1979.

Черепанова О. А.: 1996, *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера*, Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова, С.-Петербург.